

тиновича была простая женщина, медсестра... Ну, затем, дружила я с Дмитрием Павловичем, внуком Александра II, двоюродным братом последнего государя Николая Александровича.

А. К. — Это тот Дмитрий Павлович, который вместе с князем Феликсом Юсуповым принимал участие в убийстве Распутина? Этому посвящен советский фильм «Агония».

В. Т. — Ну, сами-то они никого не убивали, а инициаторами этого дела были. Оба красавцы, а Юсупов Феликс Феликсович вообще считался одним из самых выдающихся по внешности мужчин мира. Я знала его уже пожилым, в то время он небольшой мажор себе накладывал, для поддержки внешности... Все они жили в Париже в бедности. Помню, в Монте-Карло, где я пела по контракту, ходила я иногда в казино играть в рулетку (я там однажды крупную сумму даже выиграла), а Дмитрий Павлович только, помню, смотрел, а сам не играл, — не на что было.

А. К. — Бывшая усадьба Юсуповых, Архангельское — теперь одна из главных достопримечательностей окрестностей Москвы, последним ее владельцем и был Феликс Юсупов. Чем же он занимался в Париже?

В. Т. — Феликс Юсупов был не только писанным красавцем. Очень простым в обращении, веселым, занятым человеком он был. Вот когда мы у него садились за стол, например, он для смеха разыгрывал роль официанта. Вот салфетку так через руку перекинет и «чего изволите-с?». А во время войны все приглашал меня с Полюшкой Фесенко, цыганкой из хора, приходило к нему на морковный чай, больше-то ничего ведь не было, голодали, как и все простые люди. Вот приход с Полюшкой, сидим, поем «Что это сердце сильно так бьется, что за тревога волнует мне грудь», а Гриша, камердинер князя, стол сервирует. Копейки за душой не было, а слуга был и стол сервировался для морковного чая как для званого обеда. И не думай, что они чурались труда. Просто ничего не умели ни он, ни жена его, Ирина Александровна, племянница Николая II, дочь его старшей сестры Ксении. Каждый мог их обмануть, потому что откуда им было жизнь-то знать? Открыли они как-то Maison de couture***, вложили туда какие были средства и, конечно, прогорели. Ну какие из них бизнесмены?

А. К. — Значит, отношения с этими представителями высшего класса России в эмиграции были у вас абсолютно равными?

В. Т. — И да, и нет. И Светлейший Князь Дмитрий Павлович, и Бернар из шведского королевского дома называли меня просто Вера, ну а я их — Ваше Высочество и Монсиньор. Нужно же было какое-то уважение проявлять к титулу...

А. К. А как вы попали в Соединенные Штаты?

В. Т. — Тетенька Александра Львовна вызвала меня в Америку после войны. Сама тетя Саша работала на знаменитой своей ферме, куда стекались по ее призыву все, кто бежал из России от Сталина. А я стала работать, петь уже не пела, только для своих, пошла в «бизнес», продавала косметику, дамские платья, еще кое-что. Много чего перепробовала, десять лет тому назад вышла на пенсию. А когда Александра Львовна была жива, часто с ней виделась, всегда ездила к ней в отпуск, а потом вместе во Флориду, рыбу ловить. Любила она это занятие, как лучший отдых.

А. К. — А в Советском Союзе вы за эти годы когда-нибудь были?

В. Т. — Никакого Советского Союза я не знаю. На карте мира была, есть и будет только Россия. А насчет того, чтобы туда поехать, то в прошедшие годы не могло быть и речи, тетенька Александра Львовна убила бы меня, заикнись я об этом. Она ненавидела Сталина и все, что он создал, всю жизнь боролась против него. Ведь ее в двадцатых годах там эпестовали, ее, дочь ТОЛСТОГО! И настоящей причины никакой — просто захотели поиздеваться и арестовали, бросили в тюрьму, в холод, голод, к крысам! Насилу вырвалась она тогда из России, поехала в Японию, да так и не вернулась. Всю свою жизнь положила на борьбу со Сталиным. Жалею, что не дожидаясь до сегодняшнего дня, я думаю, что она бы симпатизировала Горбачеву и начатой им политике возрождения России.

ВАШИНГТОН, США, 1990.

*** Дом моделей.

Л.

Н. ТОЛСТОЙ был самым ярким представителем русской интеллигенции, и не только в том смысле, что он был гениальный художник, замечательный в мире представитель русского художественного творчества, но и в том, что он чутко переживал все вопросы, которыми болела интеллигенция его времени. Правда, во многом он с нею расходился, ко многому в ней относился отрицательно, но никогда не относился равнодушно к вопросам, ее волновавшим. И русская интеллигенция, далеко порой расходившаяся с ним в практических и даже моральных выводах, никогда не относилась равнодушно к его личности, к его мысли и деятельности.

Наше общество в царствование Александра II пережило, как известно, период надежд. Казалось, перед нами открывается путь развития и правды. Но самодержавие истощило на краткий период реформ все свои творческие силы и остановило дальнейшее развитие страны. Жизнь остановилась, начала глохнуть и разлагаться. И прежде всего это почувствовала интеллигентская молодежь, то есть та именно часть общества, в которой должен бы совершаться насильственно задержанный общественный рост.

Тогда общество в этой именно молодой своей части начинает испытывать лихорадочное, болезненное беспокойство... И вот начиная с шестидесятых годов в России возникает почти непрерывный ряд так называемых студенческих волнений.

**Владимир
КОРОЛЕНКО**

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Маркс был несомненно великий мыслитель, давший очень много для понимания экономических феноменов, но многие его взгляды вне этой области односторонни и узки. Со времени марксизма принято считать ни во что такие, например, двигатели, как совесть. В расчет принимаются только интересы и силы для их поддержания. Достаточно, однако, сколько-нибудь внимательно взглянуть в историю, чтобы убедиться, что работа совести в человеческих душах часто сама становится значительной движущей силой. Так, перед Великой Французской революцией, ранее, чем заговорили «классовые интересы», внятно говорила уже общественная совесть, говорила языком философов, энциклопедистов, встречавших приверженцев даже в тех классах, которым переворот был прямо невыгоден. Есть в работе человеческого ума и человеческой совести своя обязательность. Кто-то сказал: если бы материальные интересы этого потребовали, то даже дважды два четыре стало бы предметом спора. Мы видим, однако, что часто бывает выгодно известным общественным категориям, чтобы дважды два было не четыре, а пять, но всегда такое дело обречено на скорую гибель. Перед Галилеем стояла альтернатива: или признать, что Солнце вращается вокруг Земли, или погибнуть на костре. Он уже смалодушествовал и готов был согласиться с инквизицией, но давление внутренней обязательности вывода прорвалось невольным восклицанием, которое грозило старику костром: «А все-таки она вертится».

То же можно сказать и о работе совести. Человечество не даром жило тысячелетия. Каждое столетие откладывало свою долю нравственно обязательного в понятиях о добре и зле. Это может временно затемняться, но никогда совсем не исчезает.

В этом смысле русская интеллигенция переживает в течение нескольких поколений свою глубокую трагедию: ум и совесть диктовали одно, весь уклад жизни, реальные интересы требовали другого.

Вот почему с первой четверти прошлого столетия мы видим, что русское общество потрясается взрывами вне каких бы то ни было классовых интересов. Первые русские революционеры были привилегированные гвардейские офицеры. Затем после некоторого промежутка в России начинается ряд волнений учащейся молодежи, которые уже не прекращались до падения монархии. Каждое поколение молодежи как бы останавливается в раздумье на пороге жизни, выбирая один из двух предстоящих ему путей: путь подчинения, на котором ждут теплые места, обеспеченная карьера, одним словом, реальные интересы или путь противления и борьбы. В большин-

Восемьдесят лет назад, 7(20) ноября 1910 года, на железнодорожной станции Астапово прервалась жизнь великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. А за три месяца до этого его посетил в Ясной Поляне Владимир Галактионович Короленко. Это была их последняя, третья встреча (первые две были в 1886 и 1902 годах). На следующий день после кончины Толстого газета «Речь» поместила заметку Короленко «Умер». «Сейчас, — говорилось в ней, — в туманный день, на грязной улице провинциального города мне подали телеграмму. Газетчик сказал только одно слово: «Умер!» Умер человек, приковавший чувства всего мира.

Если был писатель, о котором можно сказать, что его знали все, — это был Толстой, титан современного человечества. Легендарные титаны громоздили горы на горы. Толстой навал дагил такими горами человеческого чувства, какие не под силу царям и завоевателям.

Слезы невольно просыпались на глаза. Есть что-то детски трогательное в доверчивой беспечности, с какой этот слабый старик пошел навстречу смерти. Но все личные чувства смолкают, поглощенные торжественным величием минуты».

Затем последовала поездка Короленко на похороны Толстого, давшая толчок к написанию новых статей о «великом пилигриме».

Шли годы. Наступило «смутное время» в жизни нашего Отечества, заставившее Короленко вновь вспомнить о великом художнике, мучившемся «роковыми вопросами» и «указывавшем человечеству пути к новой жизни». Как примечательно, что в суровую пору всеобщего разлада и междоусобия, через 2 месяца после завершения своих известных «Писем к Луначарскому», Короленко, неодолеваемый и измученный жизненными испытаниями в переходившей из рук в руки более 10 раз Полтаве, нашел в себе силы откликнуться на приглашение принять участие в вечере, посвященном десятилетию со дня смерти Толстого. И хотя вследствие болезни писатель не смог присутствовать на вечере, написанное им выступление было там прочитано. Эта статья оказалась одной из самых последних публицистических статей (а их насчитывается более 500), вышедших из-под пера писателя. Ей, как и многим другим выступлениям Короленко на злобу дня, не повезло. Она была напечатана лишь однажды, в конце 20-х годов, в 24-м томе более чем наполовину незавершенного полного собрания сочинений писателя, выходившего в Харькове мизерным тиражом, и до сих пор остается неизвестной широкому читателю. Отмечаемая ныне годовщина смерти Л. Н. Толстого делает эту статью особенно интересной. Она публикуется по машинописному, с поправками автора энцефалару, хранящемуся в архиве писателя в Отделе рукописей ГБЛ имени В. И. Ленина.

С. Н. ДМИТРИЕВ,
кандидат исторических наук

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ. Портрет работы Юрия СЕЛИВЕРСТОВА.

стве жизнь брала свое: люди смирялись перед требованиями реальной жизни, но каждое поколение выделяло известный осадок, питавший в обществе и народе противоправительственное настроение. И это было в то время, когда классовые интересы еще молчали, а народ самые волнения среди оппозиционно настроенной интеллигенции объяснял раздражением господ против царей за освобождение крестьян.

В 70-х годах возникло среди русской интеллигенции довольно широкое «движение в народ». Как оно ни было наивно, все-таки это была попытка объяснить народу его действительные интересы и невыгодность для него самодержавного строя. Народ не двинулся, правительство отводило небывалыми репрессиями.

Оставалось или обратиться к медлен-

ному пути пропаганды, требовавшему времени и жертв, или перейти к борьбе собственными силами, без поддержки народных масс.

Альтернатива страшная, полная трагического значения. В 1877 году во время одного процесса о пропаганде (процесс 50-ти) рабочий Петр Алексеев произнес яркую речь, в которой обрисовал роль русской интеллигенции в пробуждении рабочего класса: «Она одна пойдет с нами до тех пор, пока мозолистая рука рабочего люда не подымется, чтобы свергнуть его деспотизма». Но пока «мозолистая рука» еще не подымалась, и отдельные рабочие только от времени до времени увеличивали ряды жертв из интеллигенции, не придавая ей, казалось, реальной силы.

В воздухе уже носилась идея и предчувствие террора, последнего средства